

Среди документов Екатерины II, относящихся к концу ее царствования, имеется именной указ от 28 августа 1796 г. князю П. А. Зубову, управлявшему тогда Новороссией, в котором, в частности, говорилось, что «в Херсоне произошли от матросов буйствы и продерзости, клонящиеся не токмо к нарушению спокойствия сего города, но и ко оскорблению Величества» . Императрица повелевала «немедленно поручить исследование дела сего вице-адмиралу Мордвинову и генерал-поручику Хорвату, когторым предпишите тотчас ехать на место и означенное следствие произвести над преступниками строжайшим образом, употребляя всевозможные старания открыть прямых виновников и соучастников сих беспорядков и их намерение, также причины к тому их побудивший, к чему показания взятых в Херсоне найденных в помянутых про-дерзостях нижних военнослужителей послужить могут руководством, дабы зло сие в наружу точно выведено и пресечено было в самом начале. О преподании по сему делу по требованию вашему или генерал-порутчика Хорвата всех пособий без малейшаго продолжения времени от стороны тамошняго воинскаго начальства дано Наше повеление генерал-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому. По начатии же следствия что из онаго оказываться будет, имеете к нам представлять подробные записки»².

Екатерина II в конце царствования сама уже редко писала. Резолюции на докладах обычно накладывались рукою статс-секретарей, а она только подписывала. Нередки случаи, когда, например, доклады Сената лежали без движения месяцами, по году и более. Что же заставило царицу срочно, детально и в столь решительном тоне обратиться к своему фавориту, бывшему тогда в зените могущества, с именным секретным указом в бунте херсонских матросов? Французская революция встревожила ее и заставила внимательно следить и за развитием событий во Франции, и за проявлениями «вольнодумства» в России. Революционные идеи становились опасной заразой. С особенной подозрительностью относилась царица к событиям в приграничных районах страны, в ряду которых одной из важнейших была Новороссия (Южная Украина и Приазовье). Россия энергично готовилась тогда к войне с Францией. Во главе предназначенной для того армии мыслился Суворов. И то, что Екатерина привлекала именно его к возможному подавлению бунта херсонских матросов, свидетельствует о том, сколь серьезно относилась она к факту бунта.

Еще до указа Зубову, того же 28 августа, Екатерина направила секретный рескрипт Суворову: «Граф Александр Васильевич! По дошедшему до нас сведению якобы в Херсоне от матросов произошли буйствы и продерзости, клонившиеся не токмо к возмущению общественного в том городе порядка, но даже и ко оскорблению Величества, за благо мы признали произшествие сие немедленно исследовать и прямых виновников и соучастников оного открыть. Вам же повелеваем [...] чинить буде бы паче чаяния нужда потребовала требуемая пособия, следуя свойственной Вам деятельности и любви ко благу Отечества»³.

Получив указ царицы, Зубов в тот же день направил председателю Черноморского адмиралтейского правления вице-адмиралу Н. С. Мордвинову секретное предписание: совместно с правителем Екатеринославского наместничества генерал-поручиком И.И.Хорватом «тотчас отправиться в Херсон, [...] и вместе с ним, по точным словам высочайшего указа, приступить к изследованию означенного происшествия без малейшего замедления и так как важность дела требует, стараться непременно дойти до источника, откуда зло сие родилось, с каким намерением и по какому побуждению, для чего и всех тех, кои окажутся по сему делу сомнительными, призы-

ПИСАРЕНКО Эрнест Ефимович — кандидат исторических наук, Советская социологическая ассоциация.

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 6, оп. 1, д. 545, лл. 9, 10.

² Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 994, оп. 2, д. 52, л. 31.

³ ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 545, л. 12.

165

вать перед суд, не взирая ни на какое лицо, и в случае изобличения поступать с таковыми по всей строгости законов»⁴.

У Мордвинова в то время было очень непростое положение: фактически всякое лыко ставилось ему в строку именно Зубовым. Как писал адмирал Шишков, занимавшийся тогда этим по роду службы, любые неполадки на Юге, прежде всего в Херсоне, Николаеве и на Черноморском флоте, Зубов и его подручные ставили в вину Мордвинову как руководителю Черноморского адмиралтейства⁵, расположенного в Херсоне и Николаеве. Поэтому весть о бунте матросов в портах, где находилось правление Черноморского адмиралтейства, сразу же была использована в интригах Зубова против Мордвинова.

Мордвинов и те, кто под его руководством участвовали вначале в ликвидации бунта, названного впоследствии арбузным, а затем в расследовании, делали все возможное, чтобы доказать, что его как такового вовсе не было. Имевшиеся в их руках некоторые наиболее красноречивые документы были просто уничтожены. Отсюда такая клочковатость, скороговорка, разбросанность соответствующих материалов по разным архивам. Вероятно, сохранились лишь те документы, которые, минуя Мордвинова и его людей, попали в Петербург через подполковника Изюмского легкоконного полка П. А. Яковлева, имевшего от фаворита особые полномочия по Экспедиции устроения южных крепостей. Были и другие источники информации у правительства. Важнейший — статс-секретарь Екатерины II А. М. Грибовский, получавший конфиденциальные письма непосредственно из Херсона, Николаева и Одессы. Одной из центральных тем его переписки того времени и стал, в частности, арбузный бунт⁶.

Незадолго до того Зубов в качестве начальника Черноморского флота был поставлен 19 июля 1796 г. в положение, независимое от Адмиралтейств-коллегии, в связи с чем Суворов писал, что Зубову пожаловали «шпагу и скоро при президентстве получит кайзер-флаг Черноморских флотов, кои в своем правлении изгноил и людей выморил»⁷. О справедливости суворовских слов свидетельствует положение матросов, солдат и работных людей в Херсоне. Вот что сообщал в июле 1796 г. сардинский посланник в России граф Л. М. Б. де Ла Тюрби: «В Херсоне — земляная крепость, которую, правда, увеличили после моего первого путешествия (в 1790 г.— Э. П.), но которую все же можно причислить только к числу окопов. Дурной воздух, трудность доставления грузов, что заставляет купцов держать магазины в Глубокой (Пристани, на Днепровском лимане.— Э. П.), и новые города, которые были построены позднее (Николаев, Одесса.— Э. П.), низводят число жителей Херсона до 6000 [...]. В Херсоне постоянная верфь, где строят линейные корабли, которые затем идут в Севастополь; до Лимана их тащут с помощью верблюдов»⁸. Дополним это известие: «Жизнь в зарождавшемся в тогдашнее время (90-е годы XVIII в.— Э. П.) Херсоне была нелегка: жителям тяжел был не только климат Херсона, а неустройство общественной жизни во многих отношениях»⁹.

Управление военными и морскими делами, осуществлявшееся Зубовым (в отличие от Г. А. Потемкина) из Петербурга, способствовало произволу властей на местах и усиливало недовольство солдат и матросов. Известен отзыв Александра I, писавшего своей венценосной бабушке за полгода до ее смерти: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок: грабят со всех сторон, все части управляются дурно, порядок, кажется, изгнан отовсюду»¹⁰.

Середина 90-х годов XVIII в. вообще была отмечена ростом крестьянского движения в Новороссии, включая низовье Днепра, где вплоть до лета 1796 г. для задержания укрывавшихся в плавнях участников крестьянских выступлений привлекались армейские подразделения. Массовые, хотя и эпизодические, волнения имели место

⁴ Архив гр. Мордвиновых. Т. 1. СПб. 1901, с. 631.

⁵ Шишков А. С. Записки, мнения, переписка. Т. 1. Берлин, 1870, с. 5.

⁶ ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 545, лл. 1—6, 33—41об., 2—2об., 16—16об., 17.

⁷ Русский биографический словарь. Т. 7, с. 532.

⁸ Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1900, кн. 4(195), с. 16 отд. паг.

⁹ Серафимов С. А. Историческое описание Херсонского Успенского собора. Одесса. 1881, с. 46.

¹⁰ Ключевский В. О. Соч. Т. 5. М. 1958, с. 313.

в Новороссии летом 1796 г., когда разнесся слух о скором восшествии на престол цесаревича Павла Петровича. Эта весть ассоциировалась в народном представлении с надеждой на освобождение от крепостничества. В Петров день, 29 июня 1796 г. в Елисаветграде, Гуляй-Поле, других городах и местечках, где были ярмарки, имело место волнение — «весьма соблазнительное и не меньше вредное между чернью буйство, сопровождаемое криком ура», как указывалось в официальной переписке того времени¹¹. Но главные события разыгрались через полтора месяца.

Воскресным утром 10 августа в Николаеве матросы стоявших там военных кораблей, солдаты местного гарнизона и работные люди Черноморского адмиралтейства, «собравшись во множестве на рынок»¹², как докладывал Мордвинову командир Николаевского порта контр-адмирал П. В. Пустошкин, «вооружившись арбузами», с криками «ура!» захватили шесть возов. Николаев в то время еще только строился. В 1795 г. состоялось открытие портовых и других учреждений, из Херсона переведены были контора главного командира, морской кадетский корпус, артиллерийское училище; учреждено комендантское управление, первым комендантом назначен полковник князь М. С. Вяземский; учреждено градоначальство, а первым градоначальником назначен коллежский асессор Вороновский¹³. Последний «был предварен от Вознесенского господина губернатора Оболенского о предосторожности противу таковых происшествий, случившихся уже в Елизавете, Златополе и других местах, кото-рья могли быть побуждением каких-нибудь чужестранцев [...], единомышленников французских».

И местная полиция была наготове, арестовала пять матросов-зачинщиков: Корочкеина из команды 90-пушечного корабля «Созон», С. Ефимова с бригантины «Нико-дим», О. Баскакова с фрегата «Святой Никон», корабельного плотника Ф. Кузьмина и гарнизонного солдата Я. Яковлева. Однако в тот же день «после полудни, при таковом же скопище и крике»¹⁴ смута возобновилась. Были схвачены еще шестеро закоперщиков: корабельные плотники Г. Платонов и П. Стахов, матросы Д. Акимов из флотской береговой команды, Н. Григорьев с бригантины «Лев», А. Клеменов из ластовой команды и К. Леонтьев с крейсерского судна «Принцесса Елена». Арестованных допросили с пристрастием, но допрос ничего не дал. Во избежание повторения эксцессов в Николаевском порту, гарнизоне, адмиралтействе и на кораблях были приняты меры чрезвычайной предосторожности, усилена охрана рынков, запрещены отлучки солдат и матросов.

Слухи о волнениях в Николаеве быстро распространились. Они носили утопический, процаристский характер и сводились к тому, что на престол вступил император Павел Петрович, издавший указ с разрешением три дня грабить лавки в связи с рождением великого князя Николая Павловича. В этой связи напомним о любопытном документе, датированном примерно 1795 г., — «Благовесть Израилю Российскому, то есть приверженным Богу староверам благочестивым», — свидетельствующем, что идеи равенства, политических и социальных изменений существовавшего строя пытались сформулировать даже выходцы из широких масс. Учитывая прекрасное знание

положения армии и детальную разработку плана ее перестройки на демократических началах, содержащихся в нем, вероятным кажется предположение С. Б. Окуня, что этот документ вышел из солдатской среды, где были грамотные люди — писари, например. Копии данного документа ходили по рукам в различных районах страны¹⁵. Специалистами уже ставился вопрос, не связано ли совпадение даты арбузного бунта с тем сроком, который назначил автор «Благовести» для народного избрания Павла на царство: 1 сентября 1796 года?¹⁶.

Выступление в Херсоне было назначено на 15 августа. Об этом знали многие

¹¹ ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 699, ч. 11, л. 261; Материалы по истории сельскою хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М. 1962, с. 234—235.

¹² ЦГИА СССР, ф. 994, оп. 2, д. 52, л. 28.

¹³ Еланский П. Местные исторические монографии. Николаев. 1896, с. 39.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 994, оп. 2, д. 52, лл. 30, 30об., 28.

¹⁵ Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец 18 — первая четверть 19 в. Л. 1956, с. 42—44.

¹⁶ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М. 1977, с. 315—318.

167

жившие там матросы, солдаты и работные люди. Как докладывал херсонский городничий пристав гражданских дел О. Волков командиру Херсонского порта контр-адмиралу Г. К. Голенкину, в 10 ч. утра 15 августа «находящийся на Военном форштад-те в должности квартального прапорщик Костычев словесно мне донес, что на предместий онаго военного форштадта караульный 4-го адмиралтейского батальона сержант Иоган Шультинг дал ему, Костычеву, знать, яко он, услыша от стоящих на рынке адмиралтейского ведомства корабельных плотников Севастьяна Гладышева, Гаврила Васильева, Федора Пивоварова, Осипа Кузьмина и Якима Максимова разговоры, в силе таковой, что для новорожденного Его Величества Великого Князя Николая Павловича через три дня грабить, которое-де и начнется сего течения 15-го числа пополудни, в 1-м часу, в сем городе между жителями. При расспрашивании же моем оных плотников оказалось, яко они сие слышали от пришедших из Николаева двух неизвестных матросов, о чем уже и слух по городу между простолюдинами носится»¹⁷.

Рапорты аналогичного содержания Волков направил одновременно инженер-генерал-поручику М. А. Фемерсу, правителю Вознесенского наместничества генерал-майору князю П. Н. Оболенскому и в Вознесенское наместническое правление. Позднее, в ходе следствия, Волков показал, что 16 августа «находившийся на Привозном рынке в карауле Черноморского 1-го батальона сержант Греченков с 12-ю человеками команды его солдат кричал ура и жак и производил грабеж у прилавков с провизиєю, о чем он представил обер-коменданту графу Девиту и обиженных к нему

препроводил»; эти «преступники, по уведомлению его премьер-майором первого Черноморского батальона Бримером, пред батальоном жестоко наказаны». Часть арестованных утверждала, «что слово ура будет для великого князя Павла Петровича, принявшего престол, а иные расслышали, что оно для новорожденного князя Николая Павловича и что взятые первоначально под стражу [...] производили тут спор: первые говорили, что оное ура для великого князя Павла Петровича, а вторые утверждали, что для новорожденного великого князя Николая Павловича»¹⁸.

В архивах отложилась переписка, позволяющая судить о масштабах и географии арбузного бунта. 20 августа 1796 г. Хорват писал Мордвинову из Симферополя: «Сейчас до сведения моего дошло, что в Херсоне примечен в народе некоторый дух возмущения, а паче в матросах; что 15-го числа сего месяца захвачены и взяты уже под стражу пять человек матросов, дерзнувших провозглашать морской гоубвахте общия сих дерзких людей намерения [...]; что по утру 16 числа отыскано и захвачено на берегу Днепра шесть человек из алешковских жителей, приехавшие по уведомлению матросов [...]. Вследствие чего спешаю просить сим Ваше Превосходительство дабы благоволили кому следует приказать тот час испытать у матросов, в предначинании сего зла схваченных, откуда произошло волнение в них сие, кто оному первою причиною? И не скрывается ли тут важнейших со стороны французской нации действий, приводимых чернь к буйственному поколебанию? А между тем с оными пойманными в сем дерзком провозглашении матросами поступить по всей строгости законов, в пример другим»¹⁹.

Мордвинов совместно с Хорватом провел расследование. Как докладывали они Зубову 17 сентября 1796 г., «прибыв в Херсон сего месяца 14-го на другой потом день открыли присутствие наше в здешней крепости и, определя за обер-аудитора [...] пограничного департамента коллежского ассесора и кавалера Хабарова, к производству следствия приступили; и продолжали оное с того времени донныне денно и ночью, заимствуя и от побочных обстоятельств, лишь бы только дойти до истины». Допрашивали арестованных матросов, «оглашенных в злодейской продерзости, каждого порознь троекратно и разновременно», затем использовали для того и церковное покаяние.

Материалы допроса содержат сведения о целях бунтовщиков и сочувствовавших им жителей Херсона, Николаева и окрестных деревень. Надворный советник Цитлин показал, что если кто из крестьян хочет быть помещичьим, а иной желает быть черноморским, т. е. «адмиралтейским», «то можно приписывать их там». Херсонский пред-

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 994, он. 2, д. 52, л. Юоб.

¹⁸ Там же, лл. 23, 23об., 19об.

¹⁹ Там же, лл. 15, 15об.

приниматель Зискель подтвердил царистский характер настроений матросов, готовившихся бунтовать в пользу императора Павла²⁰. Положение работавших на верфях жителей адмиралтейских поселений в окрестностях Херсона и Николаева было значительно лучше, чем у крестьян, переведенных в Новороссию и поселенных на помещичьих землях. Понятно поэтому желание поселенцев, чтобы их зачислили в адмиралтейские поселения—Черноморские батальоны, а не закрепляли за помещиком. Обращает на себя внимание беглое упоминание о читанном в окрестностях Херсона офицером Черноморского батальона указе. Содержание указа не излагается, но из контекста понятно, что факт его прочтения сыграл определенную роль в возникновении брожения. Кем же был тот офицер? Можно предположить, что это был премьер-майор Бутми-де-Кацман, о котором Суворов писал как о храбром участнике штурма Измаила²¹, а подполковник П. А. Яковлев считал его доверенным лицом и единомышленником Мордвинова.

К рапорту Мордвинова и Хорвата приложен «Экстракт, учиненный из дела, произведенного секретно в Херсонской крепости о поступках матросов», в котором описываются подготовка бунта в Херсоне 15 и 17 августа и меры безопасности, предпринятые для его предупреждения. Особое внимание уделено разбору поведения Бут-ми-де-Кацмана и исправляющего плац-майорскую должность секунд-майора Деропа: подчеркивается, «что должны здесь быть со стороны французской шпионы»²². В Херсоне эпизодические волнения матросов, солдат и работных людей были более людными, чем в Николаеве. Поэтому число херсонских свидетелей намного значительнее николаевских.

Наказание воспоследовало быстро. Три матроса, участвовавшие в организации арбузного бунта, были сосланы на работы в Екатеринославский литейный завод. Переведены в полки, «в Тавриде расположенные», первого Черноморского батальона сержант Греченков с 11 солдатами, а сержант Шультинг — в Фанагорию, о чем было доложено Суворову. Двух солдат, распространявших слухи о бунте в Николаеве, предали суду²³. Среди привлеченных к наказанию был и Бутми-де-Кацман, которого подполковник Яковлев в письме от 14 августа 1796 г. из Херсона статс-секретарю Грибов-скому называл «сущим Пугачевым»²⁴. Его, Деропа и прапорщика Костычева наказали так: «Первых двух отправить в полки в Таврической области расположенные, о чем также дано [...] знать [...] графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникско-му, а последнего приказано Г-ну генерал-порутчику Хорвату причислить в штатные команды в области Таврической по его рассмотрению»²⁵.

В коллекции документов секретного суда «К херсонскому делу» встречается упоминание о том, что один из офицеров Херсонского гарнизона в дни арбузного бунта, то есть за два с половиной месяца до смерти Екатерины II, читал указ о восшествии на престол нового императора и о вольностях, дарованных крестьянам-переселенцам, в частности, о переводе помещичьих крестьян в государственные в черноморских военных поселениях²⁶. Может быть, это был один из

перечисленных выше офицеров? Арбузный бунт свидетельствует о наличии в середине 90-х годов XVIII в. недовольства существующими порядками как среди солдат, так и части офицеров.

²⁰ Там же, лл. 25об.—26об.

²¹ А. В. Суворов. Документы. Т. 2. М. 1951, с. 665, 602.

²² ЦГИА СССР, ф. 994, оп. 2, д. 52, лл. 1—6об.

²³ ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 545, лл. 44, 42, 44об.

²⁴ Там же, лл. 2, 2об.

²⁶ Там же, л. 45.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 904, оп. 2, д. 52, л. 26об.